

**Речь, произнесенная в соборе св. Петра в Женеве
(20 декабря 1996 г.)**

**Фернанда Каладо — Ингеборг Фосс — Нэнси Мэллой —
Гуннхильд Мюклебюст — Шерил Тайер — Йохан Элкербут**

Их было шестеро. Шесть прекрасных профессионалов, шесть человек с открытым, горячим сердцем. Они несли помощь жертвам чеченского конфликта, обеспечивая их кровом и заботой, утешая и ободряя. Они приехали из Испании, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии и Норвегии по призыву Красного Креста. Эти люди работали в госпитале МККК в селении Новые Атаги. Их больше нет с нами. Еще один делегат оказался ранен пулей, которая должна была убить его. И все, кто стал свидетелем этого убийства, преисполнены скорби и сострадания.

Эта трагедия вызывает у нас не только шок, не только протест, не только вопросы, но и боль. Боль от потери дорогих людей, людей, которые не должны были умереть так рано и так страшно. Боль родственников, коллег и друзей, боль всего Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, всех людей, близких нам. «Даже Красный Крест!» — восклицают они. Да, даже Красный Крест! — знак, охраняющий страдающее человечество, символ жизни и надежды, символ, призванный защищать...

К нашей скорби примешивается гнев. Это было жестокое, страшное, беспощадное, хладнокровное убийство. Можем ли мы после этого верить в достоинство человека, каждого человека? Следует ли видеть человека таким, каков он есть, или таким, каким мы хотим его видеть?

Нас также мучают и сомнения. Как далеко мы должны заходить, оказывая гуманитарную, медицинскую помощь? Где начинаются наши обязательства и где они заканчиваются? В какой момент нужно отказаться их выполнять? Какова цена и какими будут последствия этого для тех, кому мы помогаем?

В этот страшный час, когда мы собрались, чтобы почтить память погибших, выразить нашу скорбь и разделить боль их родственников, забудем на несколько минут, где мы находимся. Забудем о комфорте, о безопасности, о том, что приближаются праздники.

Мы в Чечне. Заснеженные горы Кавказа высятся над равниной. Жители Грозного, обитатели аулов пытаются отстроить разрушенные дома, выходить раненых, по кусочкам воссоздать свою жизнь, ведь столько жизней разбито —

и у чеченцев, и у русских. Но как это трудно! Водопровод поврежден, насосные станции не работают, канализация засорена. Люди становятся жертвами болезней. Одних лекарств нет совсем, другие слишком дорого стоят, третьих не хватает. Разрушена большая часть больниц.

Продукты на рынке стоят так дорого, что доступны не всем. Старики, которым приходится труднее всего, обедают в столовых Красного Креста и прихватывают с собой кусок хлеба — он станет их ужином.

Люди теряют связь с близкими. Многие из тех, кто покинул родные места, не решаются возвратиться. Некоторые из оставшихся охвачены страхом и уезжают.

Дети подрываются на минах.

Шестеро наших коллег ушли из жизни, хотя они приехали сюда именно для того, чтобы вдохнуть жизнь в госпиталь. Как и всех делегатов МККК, их вдохновляли идеалы гуманизма. Идеалы, воплощающиеся в делах и поступках, совершаемых во имя других людей.

Жизнь делегата полна энтузиазма. Но в ней бывают и трудные моменты, и тогда появляется страх, а также и то, что выше страха, — смирение перед неизбежностью. Но не перед неизбежностью преступления. Жизнь делегата исполнена мужества, ее освещает свет радости, когда гуманитарная акция приносит плоды, она полна боли, когда все нужно начинать заново. В жизни этих людей есть место труду, самопожертвованию, самодисциплине, порой страху, но также есть место веселому смеху, взаимопомощи и дружбе. Это жизнь в коллективе. Для многих это и есть ЖИЗНЬ — протекающая, конечно, среди развалин, но в то же время — в непосредственном контакте с наиболее обездоленными, позволяя в полной мере ощутить солидарность с ними.

Поэтому для нас в МККК смерть этих шести человек означает покушение на жизнь тысяч других людей, на жизнь всех сотрудников МККК, будь они родом из Швейцарии или присланы другими национальными обществами, покушение на жизнь всех жертв чеченского конфликта, которым приходится расплачиваться за это убийство. Эта скорбь не должна повергать нас в уныние, она должна объединять нас в решительном неприятии того, с чем нельзя мириться. Мы должны объединиться в своей скорби для того, чтобы сделать работу МККК на благо жертв еще более результативной.

Эта трагедия заставляет нас серьезно задуматься. Мы не сможем жить дальше так, как будто ничего не случилось. Убийство в Новых Атагах стало для нас рубежом во времени — было время до него и будет время после него. Мы не знаем, что ждет нас за этим рубежом, но знаем, что это будущее должно быть иным. Убийцы переступили страшную черту. И мы должны извлечь уроки из этого испытания. Речь идет не только о МККК, но и обо всех, кто занят гуманитарной деятельностью во всем мире.

Сейчас скорбим не только мы, сотрудники МККК, скорбите и все вы, присутствующие здесь, — представители государств, гуманитарных организаций, журналисты, коллеги, друзья. И не только потому, что вы нам соболезуете, но и потому, что, если вы не дадите достойного ответа на злодеяние, будут поруваны общечеловеческие идеалы.

Да, нужно действовать. Но как? Нужно действовать, выражая, как мы это делаем здесь, свое отчаяние и возмущение. Добровольные участники гуманитарных акций все чаще подвергаются опасности. Что это за мир, если в некоторых странах ни Красный Крест, ни Красный Полумесяц не имеют возможности предоставить свои услуги? Что это за мир, где эти организации вынуждены лишь беспомощно наблюдать извне за злодеяниями, совершаемыми «за закрытыми дверями»? К чему идет этот мир, где красивые слова и благие намерения зачастую не приводят ни к каким результатам? Мир, где бездействие или молчание некоторых из тех, кто может сыграть определенную роль на политической арене, чтобы пресечь нарушения международного гуманитарного права, столь похожи на сделку с совестью. Мир, где МККК уже не может выявить, найти виновников насилия, с которыми можно было бы вести диалог, до того хаотичной стала ситуация. Мир, где гуманитарная деятельность оказалась ставкой в политической игре, где подлость может сокрушить надежды на жизнь без войны. Действительно, что это за мир?

Не будем обольщаться. Этот мир — наш мир. И вы должны отвечать действием. Вы должны действовать из уважения к нашим коллегам, павшим в Новых Атагах, из уважения ко всем другим людям в разных частях мира, которые погибли в ходе гуманитарной деятельности. Действовать снова и снова, чтобы быть уверенными, что наши дети будут жить в другом мире.

Что же сказать в заключение? Слова здесь бессильны. Может быть, заключение и не нужно. Будем мысленно с семьями наших коллег, погибших в Чечне и в Бурунди, со всеми нашими делегатами, работающими по всему миру, и особенно с теми, кто продолжает трудиться в Восточной Европе и Средней Азии, охваченные глубокой скорбью. Будем мысленно с гражданским населением Чечни, русскими и чеченцами, на долю которых выпало столько страданий, с ранеными, особенно теми, кто находится в госпитале в Новых Атагах, которых нам пришлось, к великому сожалению, покинуть, с пленными, с больными, с теми, кто страдает от голода, холода и страха.

Марион Харрофф-Тавель,
заместитель генерального делегата
по странам Восточной Европы и Средней Азии